

Е. Ю. Козьмина
**МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
 В АЛЬТЕРНАТИВНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-105-111

УДК 82-94

ББК 83.3

В статье анализируются романы, сюжет которых построен на альтернативной истории. Отмечается, что нарративная стратегия таких литературных произведений требует особого читателя, досконально знающего реальную историю и способного соотносить альтернативные (изображенные в романе) и подлинные исторические факты. Нарративная интрига альтернативно-исторических произведений контрапунктна: интерес читателя поддерживается сходжением и расхождением альтернативных и подлинных исторических событий. Истинная история приобретает в романах метафизический характер, оказываясь за пределами изображенного мира, в компетенции читателя и автора. Эта особенность обыгрывается в тексте произведения: отдельные факты реальной действительности остраиваются, изображаются с необычной точки зрения: в различного рода видениях персонажей, их снах, слухах, а также в параллельной реальности. Нарративная стратегия, учитывающая две разноприродные действительности — изображенную и реальную, — позволяет говорить о «литературном стереоэффекте», характерном для философско-сатирической литературы, и о постановке в таких произведениях философского эксперимента. В экспериментальной ситуации альтернативного хода исторических событий испытываются национальный характер и национальная идентичность.

Ключевые слова: альтернативная история, альтернативно-исторические романы, нарративная стратегия, нарративная интрига, философская сатира, литературный стереоэффект, литературный эксперимент, национальная идентичность

Альтернативные истории как узнаваемое литературное явление оформились в конце 1990-х гг., хотя, конечно, появились задолго до этого времени. Как правило, такие произведения относят к научной фантастике,¹ но некоторые романы с альтернативно-историческим сюжетом трудно назвать фантастическими: «Грифоны охраняют лиру» А. Соболева, «Седьмую функцию языка» и «Цивилизации» Л. Бине и подобные. Также не кажутся фантастическими наиболее ранние отечественные произведения, основанные на альтернативной истории, — «Вторая жизнь Наполеона» (1917) и «Пугачев-победитель» (1924) М. Первухина.

¹ См.: Лобин А. М. Повествовательное пространство и магистральный сюжет современного историко-фантастического романа. Ульяновск, 2008; Lemann N. Historie alternatywne — pomiędzy pisarstwem historycznym a fantastycznym, czyli czym jest tertium est datur... // Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka. 2016. № 28 (48). S. 77–100; Górecka M. Polityczne afiliacje fantastyki — historie alternatywne jako dyskurs ideologiczny // Literaturoznawstwo. 2012–2013. № 6–7. S. 195–207; и др.

Козьмина Елена Юрьевна — д.филол.н., профессор кафедры издательского дела, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург); г.н.с. Центра научного проектирования и управления по научной работе, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)
 E-mail: kleno63@gmail.com

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00417 «Историческая нарратология: новый подход в гуманитарном знании (на примере изучения русской литературы)» (рук. В. И. Тюпа)

Альтернативно-исторические романы всех разновидностей неоднократно привлекали внимание исследователей, которых интересовали всевозможные аспекты темы. Так, например, генезис этих литературных произведений связывают с диалогическими отношениями и последующей трансформацией жанра исторического романа,² с влиянием постмодернизма. В качестве социальных причин появления и расцвета жанра называют утрату цензурного контроля,³ изменение авторских стратегий (так, Д. Быков** считает, что фантастов 1960-х гг. в большей степени увлекала креативная возможность создания новых миров, тогда как фантасты девяностых переориентировались на интерпретативную деятельность).⁴ Справедливым кажется связывание альтернативной истории с проблемами культурно-исторической памяти и презентизмом,⁵ а также с ростом

² См.: Nawrot A. Alternatywne światy Marcina Wolskiego wobec tradycji powieści historycznej: praca doktorska. Częstochowa, 2017. S. 83–107.

³ См.: Wąsowicz M. Historie alternatywne w literaturze polskiej: typologia, tematyka, funkcje // Zagadnienia Rodzajów Literackich. 2016. T. 59/118, z. 2. S. 91–105.

** Внесен Минюстом РФ в Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

⁴ См.: Быков Д. Другой альтернативы у нас есть! Альтернативная фантастика как наше все // Быков Д. Вместо жизни. М., 2006. С. 232–244. URL: http://rulibs.com/ru_zar/nonf_publicism/byikov/1/j22.html (дата обращения: 17.07.2022).

⁵ См.: Górecka M. Op. cit.

ностальгических настроений. Последние замечания особо касаются польской литературы, где в 2009 г. на основе литературного конкурса, проводимого Национальным центром культуры, была создана целая издательская серия «Стрелки времени. Альтернативные истории» (*Zwrotnice czasu. Historie alternatywne*).⁶

В 1990-е гг., когда альтернативные истории стали выпускаться массово почти во всех европейских странах, начались активные поиски наиболее точных дефиниций этой литературной области,⁷ вырабатывались типология и различные классификации альтернативных историй.⁸ В российском литературоведении и литературной критике используются такие термины, как «альтернативная история», «альтернативно-историческая фантастика», «альтернативно-исторические романы»,⁹ и некоторые другие. В этой статье наряду с термином «альтернативная история» употребляется и «альтернативно-исторический роман».

Во всех перечисленных, а также и иных аспектах, как легко можно заметить, в качестве определяющего признака альтернативно-исторических произведений называют основную сюжетную ситуацию, предполагающую теснейшую связь с реальной исторической действительностью, но до определенного поворотного момента («развилки», «контрафактического моделирования»), после которого реальная история и та, которая лежит в основе повествования, расходятся. Под это определение подходят также романы и повести о так называемых попаданцах, но, поскольку их жанровая структура и основной художественный модус значительно отличаются от собственно альтернативно-исторических произведений, в этой статье мы не будем их касаться. В центр нашего внимания поставим сложный характер соотношения двух историй (реальной и изображенной) в альтернативно-истори-

ческих романах на примере преимущественно российских и польских произведений.

Начнем с самого общего замечания о таком соотношении. Один из отечественных исследователей альтернативно-исторической литературы заметил: «А в тех случаях, где мир [изображенный — *Е. К.*] только один, альтернативная история автоматически “стирает” нашу историю».¹⁰ Вряд ли можно согласиться с таким утверждением хотя бы потому, что в альтернативно-исторические романы всегда включены довольно объемные сюжетные эпизоды, где изображены сходные с реальными события и действуют «реальные» исторические персонажи.

Так, в романе Р. Харриса «Фатерланд» (*Vaterland*) в системе персонажей — почти вся верхушка гитлеровской Германии. Изображенная история здесь становится альтернативной с 1943 г., когда гитлеровская Германия побеждает СССР и ряд европейских стран; основное, криминальное действие происходит в 1960-х гг.: главному герою поручают раскрыть убийство Йозефа Булера. В новой истории Булер так же, как и в действительности, секретарь генерал-губернатора оккупированной Польши Ганса Франка, и в романе, в соответствии с реальной историей, описывается, например, как во время Второй мировой войны «он ехал с охраной из Кракау в Каттовиц».¹¹ В романе З. Милошевского «Как всегда» (*Jak zawsze*) альтернативной Польшей руководит Еугениуш Квятковский («Инженер») — реально существовавший человек, сделавший для Польской республики очень много. Он был вице-премьером, министром экономики, промышленности и торговли межвоенной Польши, депутатом Сейма; особенно знаменит тем, что инициировал строительство порта в Гдыне. В этом же романе главный герой Людвик, психотерапевт по специальности, дружит с К. Г. Юнгом, Герекком (первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии в 1970–1980-х гг.) и другими историческими лицами. В романе М. Паровского «Гроза. Побег из Варшавы–40» (*Burza. Ucieczka z Warszawy–40*) между иными персонажами находим, например, бригадного генерала Станислава Францишка Сосабовского, и в реальности участвовавшего в обороне Варшавы в сентябре 1939 г., а также Альфреда Хичкока, Марлен Дитрих и множество других исторических лиц. В романе К. Левандовского «Орел

⁶ См.: *Zwrotnice czasu. O programie* // Narodowe Centrum kultury. URL: <https://www.nck.pl/projekty-kulturalne/projekty/zwrotnice-czasu/o-projekcie> (дата обращения: 17.07.2022). Это название иногда переводят как «Переключатели времени». В данном случае «стрелка» — это сокращенный вариант обозначения механизма «стрелочный перевод». Здесь и далее перевод с польского наш — *Е. К.*

⁷ См. обзор определений в зарубежных исследованиях: *Wąsowicz M.* Op. cit.

⁸ См.: Лобин А. М. Указ. соч.; Соболев С. В. Альтернативная история — пособие для хронохичхайкеров. Липецк, 2007; Невский Б. Носик Клеопатры. Альтернативно-историческая фантастика // Мир фантастики. 2004. № 6. С. 7–11; Lemann N. Op. cit.

⁹ Такое конкретно-жанровое определение мы находим, напр., в работе: Путило О. О. О жанровых границах отечественного альтернативно-исторического романа // Филологический класс. 2019. № 4 (58). С. 181–186.

¹⁰ Лобин А. М. Указ. соч.

¹¹ Харрис Р. Фатерланд. М., 1994. С. 64.

белее голубки» Польша обретает независимость в ходе декабрьского восстания 1863 г. благодаря изобретению известного польского ученого-химика Игнация Лукаевича, в реальности придумавшего способ изготовления керосина из нефти и саму керосиновую лампу, а в романе — особую военную машину, соединяющую возможности «сухопутного локомотива» и танка и использовавшую в качестве топлива нефть. Здесь же мы встречаем брата Николы Теслы — Максвелла Даниэля Теслу, а также и целый ряд политических деятелей Польши, к примеру, Ромуальда Траугутта.

Нарративная интрига¹² альтернативно-исторических романов, таким образом, контрапунктна: она строится на ритмичном схождении и расхождении двух событийных последовательностей — реальной исторической и нарративной. Так возникает напряжение, питающее интерес читателя к тому, о чем рассказывается в романе.

Очевидно, что для нарратива альтернативно-исторических романов требуется особая роль читателя, в первую очередь имплицитного,¹³ но также и реального. Для эстетической реализации альтернативной истории требуется доскональное знание истории реальной, иначе эстетического события не случится: «...читатель, — как утверждает польская исследовательница М. Вонсович, — чтобы в полной мере понять альтернативную историю, должен знать правдивый ход истории, и притом очень детально».¹⁴

Потому «правдивый ход истории» во взаимосвязи всех известных нам исторических событий остается в компетенции автора и читателя, то есть, оказывается за пределами рассказанной истории и кругозора персонажей (хотя отдельные фрагменты и исторические персонажи, как мы уже отметили, могут быть изображены в романе). Тем самым создается «литературный стереоэффект», двойная точка зрения на изображенный мир, подобная той, которая необходима при чтении философской сатиры с ее «фамильярным контактом с злободневной действительностью», с одной стороны, и «зоной далевого образа» (М. Бахтин) — с другой. К философской сатире от-

носятся, в частности, философская повесть и роман-антиутопия; чтобы понять такого рода произведения, нужно учитывать реалии окружающей жизни и автора, и читателя.

Возможный разрыв между позицией идеального читателя (с абсолютным знанием истории) и реального (не всегда знающего исторические факты в полной мере) исследователи предлагают использовать в образовательных целях: «От пытливого читателя это требует неустанного обращения к источникам, знакомства с правдивыми биографиями героев, событий и мест», — пишет польский исследователь В. Грушчинский.¹⁵

Итак, в альтернативно-исторических романах реальная история, выходя за пределы изображенного мира и присутствуя в сознании биографических автора и читателя, приобретает характер метафизический, за-предельный с позиции героев, тем самым формируя нарративную интригу. Использование в этом случае термина «метафизический» подчеркивает его «сверхопытный», не связанный с реальной действительностью, умозрительный характер.¹⁶ Отметим также, что все чаще в практике, как отмечает С. Зенкин, «культурный префикс» мета- используется в значении «“выход из”, “выход за рамки”, “преодоление”, “трансцендирование”, *Aufhebung*»;¹⁷ и эту потусторонность, перемещение фактов реальной истории за пределы изображенного мира нам и хотелось бы подчеркнуть.

Метафизический характер природы реальной истории, однако, определяется не только ее выходом за пределы собственно нарратива. Реальные исторические события переносятся в романах в область иррационального или дискурсивного.

Перечислим несколько способов такого представления исторических фактов.

Видения. В романе М. Паровского «Гроза. Побег из Варшавы-40» один из персонажей носит имя своего прототипа — ясновидца Стефана Осовецкого. В этой альтернативно-романной реальности Польша в 1939 г. благодаря погодной случайности — затяжным дождям

¹² Нарративная интрига — «адресованный читателю “интерес” наррации», состоящий «в интенциональном напряжении событийного ряда» и возбуждающий «некие “рецептивные ожидания”» (Тюпа В. И. Горизонты исторической нарратологии. М., 2021. С. 144).

¹³ См.: Тюпа В. И. Указ. соч. С. 56.

¹⁴ Wąsowicz M. Op. cit. S. 101.

¹⁵ Gruszczyński W. Cud wyśniony, czyli w poszukiwaniu straconej historii w Burzy. Ucieczce z Warszawy '40 Macieja Parowskiego // W poszukiwaniu użyteczności gatunku historii alternatywnych. Wrocław, 2011. S. 128. См. также диссертацию Я. Струско: Struski J. Możliwości wykorzystania historii alternatywnej w procesie nauczania i uczenia się historii: praca doktorska. Strzelce Opolskie, 2015.

¹⁶ См.: Словарь философских терминов. М., 2005. С. 319.

¹⁷ Зенкин С. Н. Культурология префиксов // Зенкин С. Н. Работы о теории. Статьи. М., 2012. С. 141.

и грозам — избежала нападения гитлеровских войск и, не участвуя в разрушительной войне, смогла стать культурной столицей мира. Роман начинается с того, что в Польшу летит Марлен Дитрих, чтобы сниматься на польской киностудии у Альфреда Хичкока. В видениях же романному ясновидцу Стефану Оссовецкому предстают картины разбомбленной немецкими самолетами Варшавы, сметенных с лица земли польских аэропортов; он видит разбитую польскую армию, расстреливаемых с воздуха беженцев.¹⁸ Когда же Оссовецкий утрачивает свой провидческий дар, он обнаруживает лист бумаги, где его собственной рукой перечислено двенадцать имен, но совершенно не помнит, кто эти люди и почему он записал их имена. Оссовецкий предполагает, что мог отметить тех, кто в наибольшей степени повлияет на судьбы мира. В числе двенадцати имен — Кароль Войтыла.¹⁹

Вообще в этом романе многие персонажи могут провидеть свое будущее и будущее своей страны — это и Владислав Броневски, и отец Максимилиан Колбе, и др.

В этом же романе действует безумный персонаж Антек Повстанец; он находится как бы на стыке двух реальностей, видит потусторонние (по отношению к изображенному миру) события: так же, как и Оссовецкий, он видит разрушенную Варшаву, пожары, голодающих людей, похожих на скелеты, то есть то, что случилось с Варшавой на самом деле. В. Грушчинский считает, что прототипом Антка был Антоний Годлевски, молодой повстанец, носивший псевдоним Антек Распылитель (*Rozpylacz*) и погибший на восьмой день битвы за Варшаву.²⁰

Способностью видеть обрывки «реальной» действительности наделен главный герой романа Л. Орбитовского «Призраки»²¹ — Кшиштоф Камиль Бачиньский, талантливый польский поэт, в действительности погибший во время Варшавского восстания 1944 г., но в романе чудом оставшийся в живых. Поворотной точкой в сюжете этого романа становится необъяснимое событие — в день, когда должно начаться восстание, все оружие (и у польских повстанцев, и у немцев) внезапно перестает стрелять (Чудо Первого Дня, как называют его герои романа). Выжившие поэты, поколение Колумбов, после войны оказываются в усло-

виях Польской народной республики. Однако Кшиштоф Бачиньский, вопреки предположениям читателя, не раскрывает свой поэтический талант, а работает в книжном издательстве, где создает обложки для книг других писателей. Любовь Кшиштофа Бачиньского и Каси Драпчиньской, их семейная жизнь, в реальности продлившаяся совсем недолго, проходит в романе испытание социалистической действительностью, точно так же, как и дружба Кшиштофа с Виктором (ставшим милиционером) и Янком, преследуемым по политическим мотивам. Судьба Польши, однако, практически не меняется.

Сны. Не менее значимыми для изображения реальной действительности как метафизической оказываются сны. В романе З. Милошевского «Как всегда» рассказывается, как очень немолодая супружеская пара, готовясь праздновать очередную годовщину совместной жизни, вдруг внезапно оказывается в прошлом, в 1963 г., когда их любовь только начинается. Польша в этом мире союзничает не с Россией, а с Францией, и внешне кажется, что это совсем иная страна, чем та, в которой жили герои. Главный герой, Людвик, продолжает в этом альтернативном прошлом свою деятельность практикующего психотерапевта, а одна из его пациенток рассказывает на приеме о том, что видит странные, не похожие на обычные, сны, которые она не может объяснить самостоятельно. В мире сна все серое, унылое и грязное; Польшей управляет Гомулка, а в центре Варшавы стоит «ужасное» здание «имени Иосифа Сталина» (без сомнения, речь идет о Дворце культуры и науки в Варшаве) — и это пациентку невероятно изумляет. Как и в своей действительности, пациентка работает в магазине игрушек, но на полках стоят «косоглазые куклы с задранными подолами платьев как у жертв насилия» и «медвежата с лицами недоразвитых убийц».²² Эти описания игрушек очевидным образом отсылают читателя к дневнику Л. Тырманда, в котором мы находим совпадающие почти дословно описания игрушечного магазина, приснившегося пациентке (у Тырманда он назван «Детский рай»)²³.

Слухи. Подлинная историческая реальность, отражаясь в слухах, которые доносятся до персонажей, обретает дискурсивное существование; причем иногда воспроизводится

¹⁸ См.: Parowski M. Burza. Ucieczka z Warszawy "40". Warszawa, 2010. S. 19.

¹⁹ См.: Parowski M. Op. cit. S. 241.

²⁰ См.: Gruszczyński W. Op. cit. S. 134.

²¹ См.: Orbitowski L. Widma. Kraków, 2012.

²² Miłoszewski Z. Jak zawsze. Warszawa, 2017. S. 132.

²³ См.: Tyrmand L. Dziennik 1954. Warszawa, 2021. S. 138.

фрагмент иного, более позднего периода исторической действительности. Так, в романе М. Первухина «Пугачев-победитель» сподвижники бунтовщика Пугачева обсуждают события, происходившие в реальности вовсе не в XVIII в., а в 1917 г.: «— Нет ли каких особых новостей из Питера? — осведомился Минеев. — Был бунт в Кронштадте: бомбардир Аверьянов подбил, было, матросов, да комендант крепости генерал Рогачев сразу подавил беспорядки и всех зачинщиков расстрелял. А в Питере толкут по-прежнему воду в ступе, никак не сговорятся, кого бы царем поставить. За последние дни надумались: царя пока что не ставить, а выбрать кого-нибудь в диктаторы... — Это что же за штука такая? — полюбопытствовал Хлопуша. — Диктатор — это как бы царь, только без титула и на время, — пояснил Минеев».²⁴

Параллельная действительность. Действительность, где исторические события полностью совпадают с нашими, может быть представлена в форме другого мира, который обычно называют параллельным. Примеров таких произведений можно привести множество; остановимся, однако, на неочевидных вариантах. Во-первых, это знаменитый роман В. Аксенова «Остров Крым», в котором альтернативная реальность возникает на острове, а подлинная изображена параллельно, как жизнь на материке, в Советском Союзе, но изображена без фантастической мотивировки (именно поэтому роман Аксенова трудно причислить к фантастике). Другой вариант можно отыскать в романе К. Левандовского «Орел белее голубки», где с помощью пианолы профессора Максвелла Даниэля Теслы можно проникнуть в параллельную реальность, названную персонажами «Смежная Польша» (*obok-Polska*), история которой тождественна нашей.

Инверсия. Близка к варианту параллельной метафизической реальности открытая инверсия миров. В качестве примера можно привести небольшое произведение У. Черчилля «Если бы Ли не выиграл Битву при Геттисберге».²⁵ Нарратор эссе — историк, живущий в таком мире, в котором Юг победил в войне, но пишущий о том, как могло бы быть, если бы Ли потерпел поражение, то есть описывающий нашу подлинную историю.

Итак, реальная историческая действительность в альтернативно-исторических романах изображается как нечто умозрительное и заведомо нереальное (во всяком случае сомнительное), а изображенная реальность альтернативна исторической действительности.

Сюжетное сочетание двух историй — это ситуация литературного эксперимента, на что уже обратили внимание исследователи.²⁶ Отметим, что еще и по этой причине альтернативно-исторические романы относятся скорее к философской сатире, чем к научной фантастике.

Каков характер эксперимента в альтернативно-исторических романах? Что подвергается проверке в сюжетной ситуации этих произведений? Прежде всего, необходимо отметить, что художественное изменение хода событий вынуждает читателя обратить внимание не только на знакомые ему исторические факты, но также и на современные реалии, соотнести то и другое; «восполнить и углубить нашу рефлексивность о прошлом»,²⁷ оценить ее с точки зрения сегодняшних представлений, скорректировать «социогенетическую память народа».²⁸ Как представляется, при помощи такого эксперимента альтернативные истории призваны исследовать национальную идентичность и национальный характер. Именно поэтому романы интересующего нас типа активно появляются в переломные для страны периоды и повествуют также о революционных, поворотных моментах ее истории — для российских авторов это 1917 и 1937 гг., Великая Отечественная и Гражданская войны; для англоязычных — Первая мировая и в особенности Вторая мировая войны; в огромном количестве романов сюжет строится вокруг фигуры Гитлера — от его победы во Второй мировой войне («Фатерланд») до такой истории, где он вообще не рождается («Как творить историю» С. Фрая); для Польши, кроме того, такими переломными моментами оказываются 1939 г., Варшавские восстания 1863 и 1944 гг., период деятельности «Солидарности», то есть, как пишет М. Гурецка, «важный мотив польских альтернативных историй — это восстания за независимость».²⁹

Повтор одних и тех же исторических событий в разных романах разных авторов неслучаен. Обратимся для объяснения этого к работе Я. Ассмана «Культурная память», где иссле-

²⁴ Первухин М. Пугачев-победитель. Екатеринбург, 1994. С. 156, 157.

²⁵ Churchill W. If Lee had not won the Battle of Gettysburg. URL: <http://www.jstor.org/stable/4633653> (дата обращения: 17.07.2022).

²⁶ См., напр.: Nawrot A. Op. cit. S. 104, 105.

²⁷ Górecka M. Op. cit. S. 198.

²⁸ Dukaj J. Xavras Wyzryn. Warszawa, 1997.

²⁹ Górecka M. Op. cit. S. 202.

дователь вводит понятие «вопроса-атрибута», непременно условия социальной жизни той или иной группы. Это вопрос «Чего нам нельзя забыть?»³⁰ Будучи в центральной позиции, он, по мнению Ассмана, формирует «идентичность и самопонимание группы», «память, создающую общность».³¹

Актуализация памяти тесно связана в альтернативно-исторических романах с проблемой национальной самоидентификации и национального характера, с так называемым мы-образом. Так, например, в уже упоминавшемся романе К. Левандовского «Орел белее голубки» главный герой Эдвард Старославский в решительный момент думает так: «К дьяволу все картезианские рассуждения! ...Он стал, как и другие, поляком, пьяным от патриотизма до потери дыхания!»³² Или в романе З. Милошевского «Как всегда» герой не без иронии размышляет о том, что «у поляков в наиболее древних структурах мозга, рядом с отделами, отвечающими за реакцию “бей или беги!”», закодирован жест наливания водки в момент особо глубокой задумчивости в процессе дискуссии, проявляющейся во фразе, идущей из самых глубин сердца “а идите вы...”»³³ Вообще мысль о выпивке названа в романе «типичной польской идеей».³⁴ Если З. Милошевский характеризует национальный характер с изрядной дозой иронии, то Я. Дукай формулирует черты поляка гораздо жестче: «Иногда... мне кажется, — говорит Ксаврас Выжрын, главный герой романа, — что им не нужна победа, им нужна сама война — в разговорах у костра преобладают такие, в которых говорится о гибели: настоящий герой — тот, кто погиб славной смертью, а не тот, кто положил кучу русских,

но сам остался в живых. Это чертовски тяжело понять. Но мне кажется: что-то такое и должно было сформироваться у народа, у которого один повод для гордости — бесчисленные кровавые поражения ...они просто забыли, как нужно побеждать...»³⁵

В альтернативных историях национальный характер и идентичность могут остраиваться, то есть, изображаться с иной, чужой позиции. Так, в том же романе «Ксаврас Выжрын» русские описаны как жестокие варвары, нарушающие «свои же договоры» «через час после подписания».³⁶ А в «Путачеве-победителе» мнение о русских высказывает немецкий учитель Карл Иванович: «Странные вы люди, русские... Когда вам правду говорят, вы не верите. А почему? Потому что сами вы никогда правды не говорите, и во всем обман видите. Ну а как правде истинной не верили, то поневоле верили сказкам всяким».³⁷

В определенном смысле альтернативные истории, как отмечают многие исследователи, свидетельствуют в большей степени о настоящем, чем о прошлом: «Прошлое (реальное или мистифицированное) оказалось призмой, сквозь которую можно рассматривать неустойчивое настоящее и смутное будущее. Найденная или угаданная логика исторического процесса сулит... верное понимание дня сегодняшнего...»³⁸ И, добавим, понимание самих себя.

Подводя итог, повторим, что альтернативно-исторические романы вовсе не отменяют настоящую версию исторического процесса; наша реальная история — это неотъемлемая часть таких произведений, но, вынесенная за пределы мира героев, она становится метафизической действительностью.

Elena Yu. Kozmina

Doctor of Philological Sciences, Professor, Ural Federal University; Russian State University for the Humanities (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: kleno63@gmail.com

METAPHYSICS OF REALITY IN ALTERNATIVE HISTORY NOVELS

The article examines novels which plot is based on alternative history. It is suggested that the narrative strategy of such literary works requires a special type of reader who has a thorough knowledge of the real history and is able to correlate alternative historical events (those depicted in the novel) with actual historic facts. The narrative intrigue of alternative history works is based on a counterpoint: the reader's interest is supported by the convergence and divergence of alternative and true historical

³⁰ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 30.

³¹ Там же.

³² Lewandowski K. Op. cit. S. 87.

³³ Miłoszewski Z. Op. cit. S. 124.

³⁴ Ibid. S. 130.

³⁵ Dukaj J. Op. cit. S. 25.

³⁶ Ibid. S. 103.

³⁷ Первухин М. Путачев-победитель. С. 114.

³⁸ Немзер А. Несбывшееся. Альтернативы истории в зеркале словесности // Замечательное десятилетие русской литературы. М., 2003. С. 19.

events. In the novels, the true history acquires a metaphysical character as it falls outside of the depicted world and remains in the competence of the reader and the author. This feature is played out in the text of the work: certain facts of reality are defamiliarized — depicted from an unusual point of view: in various kinds of the characters' visions, their dreams, rumors, as well as in parallel reality. A narrative strategy that takes into account two different realities — the depicted and the real one — allows us to talk about the “literary stereo effect” characteristic of philosophical and satirical literature and about setting up of a philosophical experiment in such works. In an experimental situation of an alternative course of historical events, the national character and national identity are put to the test.

Keywords: *alternative history, alternative history novels, narrative strategy, narrative intrigue, philosophical satire, literary stereo effect, literary experiment, national identity*

REFERENCES

- Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. (in Russ.).
- Bykov D. [We have another alternative! Alternative fiction as our everything]. *Bykov D. Vmesto zhizni* [Bykov D. Instead of life]. Moscow: Vagrius Publ., 2006, pp. 232–244. Available at: http://rulibs.com/ru_zar/nonf_publicism/byikov/1/j22.html (accessed: 17.07.2022). (in Russ.).
- Churchill W. *If Lee had not won the Battle of Gettysburg*. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4633653> (accessed: 17.07.2022). (in English).
- Górecka M. [Political affiliations of fantasy — alternative stories as ideological discourse]. *Literaturoznawstwo* [Literary studies], 2012–2013, no. 6–7, pp. 195–207. (in Polish).
- Gruszczyński W. [A dream miracle, that is, in search of lost history in *The Tempest*. Escape from Warsaw '40 by Maciej Parowski]. *W poszukiwaniu użyteczności gatunku historii alternatywnych* [In search of the usefulness of the genre of alternative histories]. Wrocław: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Filologicznej Publ., 2011, pp. 127–138. (in Polish).
- Lemann N. [Alternative history — between historical writing and fantastic literature or sometimes tertium est datur]. *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka* [Poznań Polish Studies. Literary Series], 2016, no. 28 (48), pp. 77–100. DOI: 10.14746/pspsl.2016.28.4 (in Polish).
- Lobin A. M. *Povestvovatel'noye prostranstvo i magistral'nyy syuzhet sovremennogo istoriko-fantasticheskogo romana* [Narrative space and the main plot of the modern historical fiction novel]. Ulyanovsk: UIGTU Publ., 2008. (in Russ.).
- Nawrot A. *Alternatywne światy Marcina Wolskiego wobec tradycji powieści historycznej: praca doktorska* [Marcin Wolski's alternative worlds to the historical novel tradition: Doct. Diss.]. Częstochowa, 2017. (in Polish).
- Nemzer A. [The Unfulfilled. Alternatives of history in the mirror of literature]. *Zamechatel'noye desyatiletie russkoy literatury* [Remarkable decade of Russian literature]. Moscow: Zakharov Publ., 2003, pp. 19–42. (in Russ.).
- Putilo O. [On the genre boundaries of the Russian alternate history novel]. *Filologicheskiiy klass* [Philological Class], 2019, no. 4 (58), pp. 181–186. DOI: 10.26170/FK19-04-23 (in Russ.).
- Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of philosophical terms]. Moscow: INFRA-M Publ., 2005. (in Russ.).
- Sobolev S. V. *Alternativnaya istoriya — posobie dlya khronokhichkhaikerov* [Alternative history — a guide for chrono-hitch-hikers]. Lipetsk: Krot Publ., 2007. (in Russ.).
- Struski J. *Możliwości wykorzystania historii alternatywnej w procesie nauczania i uczenia się historii: praca doktorska* [Possibilities of using alternative history in the process of teaching and learning history: Doct. Diss.]. Strzelce Opolskie, 2015. (in Polish).
- Tyupa V. I. *Gorizonty istoricheskoy narratologii* [Horizons of historical narratology]. Moscow: Aleteyya Publ., 2021. (in Russ.).
- Wąsowicz M. [Alternate History in Polish Literature: Typology, Subject Matter, Functions]. *Zagadnienia Rodzajów Literackich* [The Problems of Literary Genres], 2016, vol. 59/118, iss. 2, pp. 91–105. (in Polish).
- Zenkin S. N. [Culturology of prefixes]. *Zenkin S. N. Raboty o teorii* [Zenkin S. N. Works on the theory]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012, pp. 137–147. (in Russ.).

Для цитирования: Козьмина Е. Ю. Метафизическая действительность в альтернативно-исторических романах // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 105–111. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-105-111.

For citation: Kozmina E. Yu. Metaphysics of reality in alternative history novels // Ural Historical Journal, 2022, no. 4 (77), pp. 105–111. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-105-111.